

Э. ДЗЕЛЕПИ

Правда
о Кипре

И*Л

*Издательство
и н о с т р а н н ө й
литературы*

*

E. N. DZELEPY

LA VÉRITÉ SUR CHYPRE

Bruxelles, 1956

Э. Дзелени

ПРАВДА О КИПРЕ

Перевод с французского

Ю. БАРСЕГОВА

Редактор

кандидат исторических наук

А. ШУЛЬГОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва—1958

О Т И З Д А Т Е Л Ь С Т В А

Уже долгое время внимание мировой общественности приковано к драматическим событиям на Кипре, население которого самоотверженно борется против английского колониального ига, за признание права на самоопределение.

Событиям на Кипре и посвящена предлагаемая вниманию советского читателя брошюра французского публициста Дзелепи, автора ряда работ по проблемам современного международного положения.

С присущим ему мастерством, умело оперируя удачно подобранными, бьющими в цель фактами, Дзелепи вскрывает закулисную сторону политики английского империализма на Кипре, рассматривая кипрский вопрос на фоне современного международного положения.

В книге на неопровергимых фактах показано, что преступления английского империализма по отношению к кипriotам являются лишь одним из звеньев в политике английских правящих кругов, стремящихся сохранить свое пошатнувшееся колониальное господство на Ближнем и Среднем Востоке. С иронией и сарказмом пишет автор об английских колонизаторах, распинающихся в Организации Объединенных Наций о своем «уважении» к принципам свободы и демократии, а на деле жестоко расправляющихся с освободительным движением народа Кипра.

Но террор английских колонизаторов только удесятеряет сопротивление киприотов. Земля горит под ногами захватчиков. Английским правящим кругам не удалось также и попытки снять кипрский вопрос с повестки ООН.

Вся мировая демократическая общественность поддерживает справедливые требования киприотов.

Написанная с большой симпатией к освободительной борьбе народа Кипра, брошюра Дзелепи заслуживает внимания советского читателя.

Кипр — это бесчестье английских консерваторов.

*«Манчестер гардиан»,
15 мая 1956 года.*

I

Кипр — величайший политический скандал нашей эпохи. Этот остров, относящийся к Европе, представляет собой английскую колонию, а его население, подвластное государству — члену Организации Объединенных Наций, лишено права на самоопределение.

В течение долгого времени греческое правительство, озабоченное стремлением не нанести ущерба «традиционной дружбе» между Грецией и Англией, по своей добродой воле воздерживалось от постановки «вопроса о Кипре» в ООН.

Оно надеялось, что английское правительство, движимое тем же чувством, будет также расположено вести непосредственные переговоры с Грецией с целью найти справедливое решение этого вопроса. Но в результате упорного отказа Англии от каких бы то ни было переговоров по кипрскому вопросу положение греческого правительства в конце концов стало совершенно невыносимым. Это нежелание вести переговоры было тем более неоправданно, что сами англичане признавали право киприотов на присоединение к Греции и своими неоднократными обещаниями, которые они давали киприотам и Греции, показали, что они не придают большого значения Кипру и могли бы безболезненно поступиться им.

В 1907 году помощник министра по делам колоний Уинстон Черчилль заявил в палате общин:

«Нет ничего удивительного в том, что киприоты, будучи греческого происхождения, стремятся к объединению с тем, что можно назвать их матерью-родиной; к этой цели они стремятся со всем рвением и упорством. Такое чувство является примером благородной преданности родине, столь характерной для благородного греческого народа».

17 октября 1915 года английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грей от имени правительства его величества обещал передать Греции Кипр, если греческое правительство «незамедлительно» вступит в войну.

Само собой разумеется, суть дела не меняется от того, что Греция приняла участие в войне на стороне союзников только спустя два года, и поэтому обещание не было выполнено.

13 мая 1919 года в Совете четырех, который вырабатывал условия Версальского мирного договора, Ллойд Джордж заявил: «Я намерен дать Греции также остров Кипр».

На замечание Вильсона, что если английский премьер-министр сможет сделать Греции такой «подарок», это будет «большое дело», Ллойд Джордж ответил:

«Это устранило бы алчные стремления и вожделения, последствий которых следует опасаться. Что же касается турок, я не чувствую угрызений совести: они не имеют никаких прав на страну, которую превратили в пустыню»¹.

Спустя несколько месяцев, 14 ноября 1919 года, Ллойд Джордж писал архиепископу Кипра:

«Права населения Кипра, его желание присоединиться к Греции будут благосклонно приняты во внимание [английским] правительством, когда этот вопрос будет поставлен на обсуждение».

«БИТВА ЗА КИПР»

При этих обстоятельствах греческое правительство было вынуждено поставить вопрос о Кипре в Организации Объединенных Наций. 20 августа 1954 года правительство Греции впервые потребовало включить вопрос о Кипре в повестку дня Генеральной Ассамблеи, которая должна была состояться 21 сентября.

Так по вине Англии между нею и Грецией «официально» была начата «битва за Кипр». В тот же день английский делегат в ООН сэр Пирсон Диксон в самой категорической форме выразил свой протест против удовлетворения требования греческого правительства. Он

¹ Les Délibérations du conseil des quatre», Notes de l'officier interprète Paul Mantoux, Deux vol., éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1955.

выразил сожаление по поводу этой акции правительства Греции, заявив, что оно тем самым наносит «вред старой дружбе между Англией и Грецией, пытаясь завладеть тем, что принадлежит Британии», поскольку Великобритания «купила» Кипр у Турции.

От этого аргумента отдает рабовладельческим душком, но даже если и признать за ним какое-либо значение, то и тогда остров следовало бы вернуть кипriotам, ибо Англия «купила» Кипр у Турции именно на их деньги¹.

Исход «битвы», казалось, начал склоняться в пользу Греции, когда 23 сентября Генеральный комитет Генеральной Ассамблеи, не считаясь с возражениями Великобритании, высказался девятью голосами против трех за всестороннее обсуждение греческих требований в отношении Кипра.

Однако этот первый успех Греции остался без последствий. В Политический комитет Генеральной Ассамблеи были представлены два проекта резолюции: один, предложенный греческой делегацией, гласил, что Генеральная Ассамблея выражает пожелание, чтобы принцип самоопределения был применен в отношении Кипра; другой проект был внесен новозеландской делегацией, но его вдохновителями являлись англичане. Новозеландская резолюция предлагала Ассамблее отсрочить дебаты.

14 декабря 1954 года Политический комитет двадцатью восемью голосами против пятнадцати при шестнадцати воздержавшихся (цифры эти сами по себе свидетельствовали об усилиях, приложенных за кулисами с целью добиться желаемого результата голосования) одобрил новозеландскую резолюцию. Из великих дер-

¹ Согласно конвенции, заключенной 4 июня 1878 года между английским правительством и Ближневосточной Портой, султан соглашался «выделить остров Кипр для его оккупации и управления» Англией, которая обязывалась ежегодно выплачивать султану 99 799 фунтов стерлингов.

Эту сумму Англия изымала из скучного бюджета острова (150 тысяч фунтов стерлингов). Более того! Указанная сумма не вносилась в казначейство турецкого султана: она была зачтена в счет процентов по английскому займу Турции. Следовательно, «покупка» Кипра не только не была связана с какими бы то ни было расходами, но, напротив, на протяжении многих десятилетий приносила Англии ежегодно около 100 тысяч фунтов стерлингов.

жав только Советский Союз голосовал за греческий проект резолюции.

На следующий день Политический комитет подтвердил принятное накануне решение, одобрав сорока девятью голосами при одиннадцати воздержавшихся решение прекратить обсуждение вопроса о Кипре. Под предлогом стремления избежать дискуссии, «способной повредить хорошим отношениям между несколькими государствами — членами Организации Объединенных Наций» (таков был основной аргумент), Объединенные Нации отказались признать за населением Кипра право на самоопределение. В действительности же решение было принято в результате совместного нажима Соединенных Штатов, Англии и Франции.

Англия выиграла первый этап «битвы за Кипр» в ООН. Английский колониализм одержал победу, использовав идею сохранения «единства» Объединенных Наций.

II

Можно было думать, что после этой бесславной победы английское правительство сочтет себя удовлетворенным и что в кипрском вопросе оно отныне станет руководствоваться духом новозеландской, или, вернее, своей собственной, резолюции, принятия которой ей удалось добиться в Генеральной Ассамблее. В самом деле, отсрочка обсуждения затронутого вопроса приобретала бы смысл в соответствии с духом новозеландской резолюции только в том случае, если бы английское правительство проявило готовность пойти на прямые переговоры с греческим правительством. Во время дебатов, развернувшихся 14 декабря в Политическом комитете, делегации Сирии и Ирака как раз рекомендовали, чтобы английское и греческое правительства добивались решения вопроса путем прямых переговоров.

Впрочем, английское правительство по-своему истолковало результаты дебатов. Отнюдь не намереваясь по чить на лаврах, оно усвоило только то, что Объединенные Нации своим первым голосованием (в комитете Генеральной Ассамблеи) все же признали существование «кипрского вопроса» и что рассмотрение его входило в их компетенцию. Этого было достаточно, чтобы забить тревогу. Тем более, что отсрочка дебатов также предполагала эвентуальную возможность их возобновления.

Таким образом, в действительности «битва за Кипр» продолжалась. Чтобы раз навсегда положить этому конец, Англия прибегла к действиям в широком масштабе не только с целью лишить Объединенные Нации права рассматривать кипрский вопрос, но и для того, чтобы сделать невозможными любые переговоры между Англией и Грецией и, следовательно, какое-либо решение этого вопроса.

С этой целью англичане решили воспользоваться Турцией, которую они уже втянули в кипрский конфликт еще до начала обсуждения этого вопроса в Организации Объединенных Наций. Участие Турции в этом конфликте, столь же удивительное, сколь и неожиданное, в то же время раскрывало весь смысл британского маневра. Турция не имела никакого отношения к Кипру. Она не могла выставить каких-либо обоснованных претензий на Кипр. В соответствии с условиями Лозаннского греко-турецкого соглашения (1923 год) она окончательно отказалась от всех прав на Кипр, связанных с англо-турецкой конвенцией 1878 года, по которой остров передавался под управление Англии. К тому же вопрос о Кипре никогда не занимал турецкое правительство и не волновал общественное мнение этой страны.

Неожиданный интерес, проявленный Турцией к судьбе Кипра, выявил роль, какую отводила правительству Анкары Англия, чья игра сразу же стала совершенно ясной: *осложнить до предела вопрос о Кипре, чтобы сделать невозможным любое его решение.* Турция весьма подходила для этой роли не только потому, что на Кипре имелось турецкое национальное меньшинство, но также и потому, что она являлась союзником Греции по Балканскому пакту; с другой же стороны, она была связана с Англией Багдадским пактом и, следовательно, была готова принять активное участие в игре, задуманной англичанами.

В Турции руководство движением за присоединение Кипра осуществлялось главным образом Национальным комитетом защиты Кипра, недавно созданной организацией, которая пользовалась открытой поддержкой официальных властей. Как бы по случайному совпадению в тот самый момент, когда в ООН готовилось обсуждение кипрского вопроса, этот комитет *впервые в Турции* развернул кампанию против присоединения Кипра к Греции.

Англичане использовали в своих целях турецкое меньшинство даже на самом острове. Британские власти на Кипре всегда отдавали предпочтение туркам. Раньше они систематически содействовали эмиграции греков, делая все возможное для расширения турецкого меньшинства и усиления его позиций на острове. Теперь же речь шла уже о том, чтобы натравить турок на греков.

На самом острове действовала организация, схожая с Национальным комитетом защиты Кипра, о котором речь шла выше. Эта организация, созданная, как и первая, в самое последнее время с одобрения и при прямой поддержке британских властей острова, называлась «Кибрис тюрк», то есть «Кипр турецкий»¹. Она заставила *впервые* заговорить о себе в связи с намечавшимся обсуждением кипрского вопроса на Генеральной Ассамблее ООН.

Цели этой кампании были столь явны, а ее подлинные вдохновители столь известны, что весь маневр был уже раскрыт в корреспонденциях, поступавших в афинскую прессу из Лондона. Речь шла об издавна проводившейся политике *превращения кипрского вопроса в греко-турецкий конфликт*. Это позволило бы Англии выступить в роли *арбитра* в споре двух своих союзников и предоставило бы английскому правительству полную свободу действий, парализовав одновременно действия греческого правительства².

ОПЕРАЦИЯ ПО ЗАПУГИВАНИЮ

Но именно сам характер этой ожесточенной кампании, направленной против присоединения Кипра к Греции, делал ясной всю ее искусственность и вызывал подозрение. Действительно, она была совершенно неоправданна и явно не соответствовала провозглашенным целям. Во-первых, Кипр находился не в руках турок, а в руках англичан, и Турция не могла испытывать опасений, что Англия откажется от острова. Во-вторых, Турция не ставила вопроса о присоединении Кипра и удовлетворялась тем, что там оставались англичане.

Турки могли бы выступать против присоединения Кипра к Греции только по соображениям безопасности. Но ведь Греция была ее союзником, а в «атлантическом» единстве Анкары и Афин видели даже «греко-турецкую федерацию»! Чтобы хоть как-то обосновать ссылки на интересы безопасности, которые могли бы оправдать ожесточенную кампанию, турки ссылались на извечную «коммунистическую угрозу» — аргумент, пригодный на все

¹ Небезынтересно отметить, что турки, оспаривающие греческий характер Кипра, сами используют греческое название острова.

² «Вима» (афинский правительственный орган), 8 сентября 1954 года.

случай жизни, помогающий во всех неблаговидных делах.

Однако по существу вся эта кампания носила непримиримый, ярко выраженный антиэллинский характер, что еще больше выдавало ее истинную цель. Под предлогом того, что претензии Греции на Кипр будто бы свидетельствуют о возрождении *мегаломанской идеи* возвращения греков в Константинополь, самые видные комментаторы турецкой прессы извлекли из арсенала турецкого национализма старые претензии, которые, казалось, навсегда погребены под пышным монументом «греко-турецкой дружбы», в частности претензии на принадлежащую Греции Восточную Фракию и на прилегающие к берегам Малой Азии греческие острова Самос, Хиос, Митилини, Родос и другие.

По-видимому, это была *операция по запугиванию*. Ее проводила Турция, и это было тем более странно, что последняя не могла извлечь из этого никакой пользы, поскольку единственное соображение, способное оправдать эти действия — «угроза» присоединения Кипра к Греции, — полностью исключалось.

Единственno, кто извлек пользу из «турецкой угрозы», возникшей при перспективе разрешения кипрского вопроса в пользу киприотов и уже сейчас ясно вырисовывающейся, были англичане. Грекам следовало призадуматься. «Кипрский вопрос» был чреват гораздо более серьезными последствиями, чем это им казалось: он мог вовлечь их в войну с Турцией.

«ИГРА С ОГНЕМ»

Политика запугиваний может быть эффективной только в том случае, если угрозы постоянно усиливаются. Прибегнув к этой политике, невозможно предвидеть, куда она приведет. Так было и с политикой запугивания, проводимой Лондоном в вопросе о Кипре.

Греческая же сторона расценила свое поражение в ООН как отложенную партию.

«Греция, — заявил 19 декабря 1954 года председатель Совета министров маршал Папагос, — будет продолжать бороться за предоставление киприотам права на самоопределение. Мы вновь поставим этот вопрос в ООН на следующей сессии Генеральной Ассамблеи и с большими шансами на успех».

С другой стороны, на самом Кипре движение за энозис (присоединение к Греции) получило такой размах и силу, что в Лондоне наконец поняли, как жестоко они ошибались, думая, что население острова в своем подавляющем большинстве не пойдет за «агитаторами» и «зачинщиками». Англичане осознали, как они ошибались, думая, что киприотов можно будет привлечь на свою сторону простыми обещаниями «конституционных» реформ и что они в конечном счете благосклонно отнесутся к «экономическому аргументу» британской пропаганды, утверждавшей, что их остров станет менее процветающим, если будет являться частью Греции¹.

Наконец англичане признавали, что их собственная позиция была довольно слабой. Она была уязвима прежде всего в Организации Объединенных Наций, поскольку англичане утверждали, что стратегические интересы их империи более важны, чем принципы, лежащие в основе Устава ООН. Во-вторых, основной аргумент англичан, состоявший в том, что безопасность государств Атлантического блока делает необходимым их присутствие на острове Кипр, также мог быть использован против самих англичан. И действительно, если дело обстояло так, как представляли его англичане, Кипр терял бы значение, которое он мог бы иметь как последний опорный пункт Британской империи в Восточном Средиземноморье, и превращался бы в одну из многочисленных баз, которыми располагает организация Североатлантического пакта в этом районе вплоть до самого Кавказа. И в этом случае Кипр без всяких препятствий мог бы перейти к Греции, оставаясь английской базой в рамках стратегических планов НАТО, тем более что сама Греция представляет собой не что иное, как обширную американскую базу. Таким образом, ясно, к чему бы это привело, если бы, опираясь на британский аргумент, Соединенные Штаты, к примеру, потребовали по соображениям безопасности распространить и их власть на страны, в которых они располагают базами.

Впрочем, выдвинутый англичанами стратегический аргумент о необходимости их присутствия на Кипре в инте-

¹ Английская пресса не могла понять, почему киприоты настаивают на объединении с Грецией, теряя тем самым новые возможности, открывающиеся перед экономикой их острова в связи с размещением здесь верховой ставки английского средневосточного командования. Но ведь есть столько вещей, которые станутся непостижимыми для «рассудительных» и «благоразумных» людей!

ресурсах НАТО и сам по себе не выдерживает критики, ибо, чтобы удержать остров под своим господством, англичане натравливали Турцию на Грецию, разрушая тем самым греко-турецкий союз и Балканский пакт, на которых основывается вся военная система НАТО в Восточном Средиземноморье.

При сложившихся обстоятельствах в Лондоне считали, что единственный выход из этой неблагоприятной для Англии ситуации заключался в том, чтобы довести до конца операцию по запугиванию с целью парализовать Грецию и вывести ее из игры.

Так, во время обсуждения кипрского вопроса в ООН в декабре 1954 года английский делегат Наттинг, вновь подтвердив, что Англия не намерена уйти из своей колонии, сделал заявление, полное угроз: «Греки, — говорил он, — должны прекратить *игру с огнем*».

«Игра с огнем»... В этом заключался весь смысл английского маневра. «Огонь», которым играли греки, требуя Кипр, заключался не в угрозе войны с Англией. Нет, это была угроза войны, которая могла разразиться со стороны Турции.

Следующий этап политики запугивания уже вырисовывался довольно четко.

III

Английский тезис, как мы видели, сводился к тому, что вопрос о Кипре не касается Греции, поскольку остров является колонией короны. И тем не менее английское правительство заявило вдруг о своей готовности обсудить кипрский вопрос не только с Грецией, но и с Турцией. 30 июня 1955 года сэр Антони Иден объявил в палате общин, что он пригласил греческое и турецкое правительства встретиться в Лондоне для обсуждения «политических и военных вопросов, касающихся Восточного Средиземноморья, *включая Кипр*».

Этот шаг вызвал сенсацию. В Лондоне уже поздравляли себя с тем, что сэру Антони Идену удалось найти выход из им же созданного тупика путем отказа от совершенно непримиримой позиции, которой он придерживался в вопросе о Кипре. Тот факт, что Англия соглашалась обсуждать вопрос о судьбе колонии короны с двумя иностранными державами, рассматривался как большая уступка с ее стороны и доказательство того, что она намерена разрешить кипрский вопрос. Говорили также, что это свидетельствует о признании Англией существования «кипрского вопроса» и якобы является «резким поворотом» и даже «отступлением» от ее политики. В то же время в правительственные кругах Лондона уверяли, что Греция одержала «настоящую дипломатическую победу». Утверждали даже, будто «английский филэллинизм» остается «живой реальностью...»¹

Между тем конференция, предложенная англичанами, не имела ничего общего с двусторонними англо-греческими переговорами, которых добивалось правительство Афин. Уже самый факт приглашения Турции делал очевидным истинные намерения англичан, побудившие их

¹ «Фигаро», 2 июля 1955 года.

проявить эту инициативу. Однако греческое правительство было склонно видеть в предложенной встрече только возможность проведения прямых переговоров с Англией по вопросу о Кипре. Что касается участия Турции в этом обсуждении, то греческое правительство допустило явный просчет, не придав этому большого значения. К тому же оно не могло выступить против участия в переговорах Турции из опасения поставить под удар свои отношения с «турецким союзником».

В этом-то и заключалось коварство англичан. С одной стороны, они использовали желание греческого правительства вести с ними непосредственные переговоры по вопросу о Кипре, а с другой — использовали весьма щекотливое положение, в котором находилась Греция в отношении Турции, чтобы завлечь правительство Афин в западню трехсторонней конференции. И в самом деле, это была западня.

ЗАПАДНЯ

В действительности англичане были бесконечно далеки от стремления добиться разрешения кипрского вопроса.

На следующий же день после того, как сэр Антони Иден объявил о своем проекте трехстороннего совещания, правительственный орган газета «Дейли телеграф» без обиняков писала, что переговоры будут обречены на провал, если Греция и Турция¹ не уяснят себе того факта, что Англия вовсе не намерена покинуть базу, которую она создавала на Кипре.

Сама формула повестки дня конференции свидетельствовала об этом довольно убедительно. Целью конференции провозглашалось обсуждение «политических и военных вопросов, касающихся Восточного Средиземноморья, включая Кипр». Как видно, Кипр был упомянут в качестве побочного вопроса. Но если бы он, как это можно было предположить, стал основным вопросом переговоров, присутствие турок сделало бы невозможным всякое соглашение и принятие решения.

¹ Само собой разумеется, что речь шла, собственно, только о Греции, поскольку Турция была привлечена к участию в этой пародии на переговоры именно потому, что выступала против ухода англичан с Кипра.

И действительно, если двусторонние англо-греческие переговоры и имели хоть малейший шанс на успех, то он полностью исчезал в связи с участием в переговорах Турции. Правительство Анкары, поспешившее принять британское приглашение, дало понять, что на лондонской конференции для Турции не могло быть и речи о том, чтобы принять участие в каком бы то ни было решении или взять на себя какое бы то ни было обязательство относительно урегулирования кипрского вопроса.

ТУРЕЦКИЙ ПАРТНЕР

В качестве прелюдии к участию Турции в переговорах по кипрскому вопросу была развязана столь же странная, сколь и показательная кампания по поводу Кипра, проведенная турками при очевидной поддержке англичан. Используя ложные сообщения и провокации, они стремились создать впечатление о существовании серьезного конфликта между греческим большинством и турецким меньшинством, который якобы ставит под угрозу турецкую общину острова. Важно отметить в связи с этим, что никогда со временем низвержения власти султанов кипрские турки не имели оснований жаловаться на плохое отношение к ним со стороны греков; обе общины мирно сосуществовали.

Все это, конечно, было шито белыми нитками. Но вся эта грубо инсценированная кампания позволила разгадать цели, которые преследовали ее вдохновители: представить дело так, будто над турецким меньшинством на Кипре нависла опасность в результате враждебных действий греков, и оправдать тем самым интерес, проявляемый правительством Анкары к кипрскому вопросу; что же касается англичан, то дело представлялось так, будто они находятся вне игры.

С тех пор «угроза, нависшая над мусульманами» Кипра, стала излюбленной темой турецких кругов. Через несколько дней после объявления о созыве в Лондоне англо-греко-турецкой конференции в Анкаре и Константинополе былпущен слух, будто киприоты-греки готовят избиение турок. Называли даже дату — 28 августа, канун начала работы трехсторонней конференции. Но самое серьезное заключалось в том, что руководящие деятели Анкары делали вид, что верят этим слухам, хотя, безусловно, они

должны были знать их источник. 23 августа, то есть за пять дней до начала работы лондонской конференции, турецкое правительство выступило перед английским правительством с официальным демаршем, требуя от него «заключений», что мусульманское меньшинство Кипра будет взято под защиту.

В своей ноте турецкое правительство указывало также, что оно не может безразлично относиться к деятельности «террористов», открыто угрожающих «истребить турок, проживающих на Кипре».

Правда, через два дня президент Турецкой Республики Баяр сделал представителям прессы следующее заявление: «Вряд ли возможно, чтобы греки-киприоты угрожали туркам, проживающим на острове». Но в тот же самый день турецкие газеты опубликовали обширное заявление, сделанное премьер-министром Мендересом на пресс-конференции, на которой присутствовали и члены турецкой делегации на трехсторонней конференции в Лондоне. В своем заявлении глава правительства выразил ни больше, ни меньше, как опасения относительно того, что на Кипре могут произойти «кровавые события».

Говоря о ноте правительства Турции, переданной 23 августа английскому правительству, Мендерес подчеркивал «важность и серьезность» этого документа, напомнив также о том, что в нем турецкое правительство выразило «беспокойство», которое оно испытывает перед лицом «угрозы», нависшей над турками Кипра.

Глава турецкого правительства закончил свое выступление едва завуалированной угрозой: Турция сделает все от нее зависящее, чтобы не дать событиям перерасти в авантюру, «которая могла бы оказаться роковой для греческой нации». Ибо никогда (и это было последним его предостережением) Турция не согласится на изменение *status quo* Кипра, если это будет противоречить ее интересам.

Это заявление проливало свет на весь механизм операции, осуществляемой в Турции в тесной связи с операцией, начавшейся в Лондоне с созыва трехсторонней конференции по Кипру. Все основывалось на ложном сообщении, способном взбудоражить умы. Сделав по этому поводу официальный демарш, этой версии придали правдоподобный характер. И все это для того, чтобы представить дело так, будто кипрский вопрос вступил в наиболее критиче-

скую стадию своего развития и будто бы создалась непосредственная угроза войны между Грецией и Турцией, ибо эта последняя полна решимости сопротивляться присоединению Кипра к Греции.

УДАВШИЙСЯ МАНЕВР

Английский маневр стал ясным с самого начала открытия трехсторонней конференции 29 августа в Лондоне. Макмиллан, министр иностранных дел Англии, обеспечил за собой председательствование и выступил в роли *арбитра* между Грецией и Турцией, которые таким образом стали «заинтересованными сторонами». В комментарии английской прессы подчеркивалось, что противоречия между Грецией и Турцией непримиримы и что Англия должна вмешаться и использовать весь свой авторитет, чтобы добиться урегулирования вопроса и не допустить серьезных осложнений в Восточном Средиземноморье. В течение всей конференции речь шла только об «усилиях», прилагаемых Макмилланом для «примирения» греков и турок, словно англичане не имели никакого отношения к делу!

Таким образом, кипрский вопрос отныне уже не был вопросом только англо-греческих отношений, но затрагивал и греко-турецкие отношения. Поэтому он переставал быть вопросом, касающимся взаимоотношений между англичанами и киприотами. Турция отныне становилась государством, открыто заинтересованным в судьбе Кипра; Англия же теряла право вести переговоры непосредственно с киприотами. Как мы видели, турки выступали не только против присоединения Кипра к Греции, но и были против изменения *status quo* острова.

В этом и заключалась самая существенная перемена в обстановке. До сих пор Греция могла при отсутствии по-настоящему приемлемого решения кипрского вопроса по крайней мере надеяться на достижение каких-то положительных результатов путем непосредственных переговоров между Англией и киприотами. Отныне исключалась и эта возможность, поскольку право голоса в этом вопросе было предоставлено также и туркам.

Само собой разумеется, что выступление английского министра иностранных дел в роли арбитра ни к чему не привело, поскольку «спорящие стороны» — греки и тур-

ки — стояли на непримиримых позициях. 7 сентября три участника лондонской встречи разошлись, опубликовав коммюнике, гласившее, что конференция «прерывается».

Это должно было означать, что переговоры между англичанами, греками и турками не порваны, что как раз и входило в намерения англичан, выдвинувших идею трехсторонних переговоров. Чтобы оставить двери открытыми для возобновления трехсторонних переговоров, Макмиллан в последнюю минуту представил конференции новый проект конституции Кипра.

Ответ греческого правительства, полученный в Лондоне 13 сентября, как и следовало ожидать, был отрицательным. Новый проект конституции для Кипра отвечал главным образом интересам имперской политики Англии, которую Макмиллан вновь изложил при открытии трехсторонней конференции в Лондоне, заявив министрам иностранных дел Греции и Турции, что Великобритания намерена оставаться на Кипре до тех пор, пока она будет нести «ответственность» за положение на Ближнем и Среднем Востоке.

Между тем английский маневр полностью удался в Организации Объединенных Наций. 23 сентября 1955 года вопрос о Кипре был снят с повестки дня Генеральной Ассамблеи. Поскольку отныне этот вопрос являлся предметом непосредственных переговоров между «заинтересованными державами», Генеральная Ассамблея без труда отказалась от его обсуждения, тем более, что она могла делать это, ссылаясь на желание содействовать успеху этих переговоров.

IV

Утверждали, что англичане после провала англо-греко-турецкой конференции в Лондоне поняли, что «резкое ухудшение отношений между Грецией и Турцией» может свести на нет «реальные выгоды, полученные Великобританией из трехсторонней конференции по Кипру»¹.

Ведь с английской точки зрения было использовано все, что могла дать трехсторонняя конференция, включая и самый факт ее провала, ибо это входило в намерения ее организаторов. Англичане никогда не рассчитывали на «успешное» завершение конференции и достижение соглашения между тремя ее участниками по вопросу о Кипре. Если они пригласили Турцию, то исключительно для того, чтобы ухудшить греко-турецкие отношения. В этом плане провал конференции означал для них явный успех. Кипр стал яблоком раздора между Грецией и Турцией.

Эта метаморфоза кипрского вопроса означала исполнение всех желаний англичан. Отныне Англии не придется просто отрицать право целого народа на свободу, что осложняло ее положение по отношению к Греции, к населению Кипра и Организации Объединенных Наций. Теперь она станет ссыльаться на интересы сохранения мира, она будет утверждать, что Кипр может стать причиной конфликта между Грецией и Турцией, если греки и кипriotы будут слишком настаивать на своих требованиях.

ОТ ЛОНДОНА ДО КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Английская игра стала особенно ясной в свете событий, начавшихся в Константинополе и Смирне в то время, когда трехсторонняя конференция подходила к концу. Антигреческие демонстрации, состоявшиеся там в ночь с 6

¹ «Монд», 9 сентября 1955 года.

на 7 сентября 1955 года, представляли собой своего рода продолжение и дополнение англо-греко-турецких переговоров. Все было организовано в предвидении провала этой конференции, который должен был последовать в случае нежелания Греции отказаться от защиты интересов населения Кипра. Эти демонстрации должны были служить на лондонских переговорах своего рода решающим аргументом: свидетельствовать о наличии угрозы войны между Грецией и Турцией из-за Кипра.

В этой связи небезынтересно ознакомиться с заявлением сенатора Ноулэнда, сделанным им 26 сентября 1955 года в Лос-Анжелосе корреспонденту одной афинской газеты¹. В этом заявлении республиканский лидер давал понять, что события в Константинополе имели целью убедить мировое общественное мнение в том, что турецкий народ категорически возражает против присоединения Кипра к Греции, а также что ответственность за эти события падает прежде всего на Англию.

Во всяком случае, чтобы понять значение антигреческих выступлений в Константинополе и Смирне — масштабы и ужасы которых систематически преуменьшались и в конце концов были заглушены в мировой прессе², — необходимо рассмотреть их под этим углом зрения.

Согласно турецкой официальной версии, речь шла о «провокации», о «происках» коммунистов, направленных на ослабление солидарности стран, входящих в систему НАТО. 13 сентября Национальное собрание Турции единогласно объявило, что события в Константинополе вызваны коммунистами, хотя оно и не выступило с открытым осуждением этих событий и не сочло нужным привести факты.

Классическое алиби! И хотя этот аргумент уже затас-

¹ «Вима», 27 сентября 1955 года.

² Нетрудно представить себе, какое «возмущение» и гнев овладели бы «свободным миром», если бы ужасы и варварство, свидетелем которых явился древний Византий (название города Константинополя до того, как он был переименован в честь императора Константина. — *Прим. перев.*), имели место в одной из стран за «железным занавесом» в отношении, к примеру, католического меньшинства или евреев. Крестоносцы «западной цивилизации» с готовностью напалили бы на себя доспехи, чтобы броситься в смертный бой против «варваров» и «безбожников». Вот еще одно доказательство откровенно лживого характера «свободной информации», которая время от времени становится предметом серьезного обсуждения на международных конференциях.

кан, он все еще используется для оправдания. Впрочем, к данному случаю он может быть применен с гораздо меньшим успехом, чем к любому другому. Ведь турецкое правительство, как это заметил корреспондент лондонской «Дейли мейл», всегда хвалилось тем, что в Турции, где коммунистическая партия запрещена, нет коммунистов.

Небольшое число телеграмм из Константинополя, опубликованных в мировой прессе, было единодушно в этом вопросе: демонстрации 6 сентября были тщательно подготовлены и организованы. Толпы хлынули на улицы города, выкрикивая лозунг: «Кипр турецкий!» — и посыпая угрозы в адрес греков. Они громили и грабили их магазины, вторгались в жилища и поджигали дома, разрушали церкви, школы, общественные учреждения (родильные дома, диспансеры, общественные кухни и т. д.), осверняли могилы их отцов.

Толпа подчинялась определенным распоряжениям и действовала в соответствии с тщательно подготовленным планом.

Начиная со взятия турками Константинополя, в Турции происходили страшные избиения греков. Но эти ужасы имели место в атмосфере вражды или взрыва мусульманского фанатизма. Упомянутая же кампания была подготовлена с холодным расчетом и носила откровенно антигреческий характер, она была направлена против всего греческого населения, сохранившегося в Турции¹.

На сей раз не было резни, хотя, учитывая дикие эксцессы, которыми отмечены события 6 сентября, следовало ожидать худшего. Уже это свидетельствует о том, что дело вовсе не объяснялось взрывом народного фанатизма. Речь шла об организованной и рассчитанной операции с заранее определенными целями. Как отмечал корреспондент газеты «Таймс» (9 сентября 1955 года), «манифестанты» получили приказ разрушать все, что попадалось им под руку, но не покушаться на жизнь греков.

¹ Согласно докладу греческой торговой палаты Константинополя, 862 магазина, принадлежавших грекам и расположенных в центральных кварталах города, были полностью разрушены; кроме того, были разрушены и опустошены сотни других греческих магазинов, расположенных в отдаленных кварталах и пригородах. Было разрушено, сожжено и повреждено свыше 700 домов. Наконец, были разрушены, сожжены или разграблены почти все православные церкви (их было примерно 80, причем некоторые из них представляли собой подлинные памятники византийского искусства).

Турецкое правительство, объяснявшее события в Константинополе «происками коммунистов», не останавливалось в то же время перед утверждением, что они были вызваны так называемой «диверсией» против турецкого консульства в Салониках, имевшей место накануне, в ночь с 5 на 6 сентября, когда в результате взрыва бомбы был разрушен находящийся по соседству дом, в котором родился Мустафа Кемаль. С этим тезисом «официально» выступил представитель Турции Зафер 26 сентября перед Генеральной Ассамблеей ООН с целью оправдать константинопольские «инциденты».

Эта «диверсия» и сообщение о разрушении дома Мустафы Кемаля были частью общего плана операции. Салоникская «диверсия» должна была послужить поводом и сигналом для выступлений в Константинополе и Смирне.

«Диверсия» произошла 5 сентября вскоре после полуночи. На следующий день, когда должны были состояться антигреческие демонстрации, радиостанции Константина-поля и Анкары, сообщая в своих дневных передачах о «диверсии», говорили уже и о «разрушении» дома, в котором родился Кемаль. А одна константинопольская газета даже опубликовала фотоснимок «разрушенного» дома!

На самом же деле вторая часть этого сообщения была совершенно ложной, а фотография — поддельной. Что касается самой «диверсии», то расследование, проведенное греческой полицией, показало, что речь шла о грубой инсценировке. Безобидная «бомба» — как раз то, что было нужно, чтобы выбить стекла из нескольких оконных рам, — была подложена привратником консульства, который являлся лишь простым исполнителем. Греческой полиции удалось также опознать в Афинах агента «Интеллидженс сервис», который и составил план действий, а также его сподручного — студента турецкой национальности, действовавшего в качестве связного между агентом английской разведки и турецким консульством в Салониках.

Вот почему как англичане, так и турки приложили столько усилий, чтобы замять это дело. Судебный процесс по делу обвиняемых, который греческие власти уже в конце октября 1955 года обещали провести в самое ближайшее время, беспрерывно откладывался в результате сильного давления, оказываемого на греческое правитель-

ство правительствами Лондона, Анкары и Вашингтона. 21 декабря в официальном демарше греческому правительству посол Турции в Афинах выражал «беспокойство» своего правительства по поводу действий греческих органов правосудия по делу о салоникской «диверсии».

Комментируя этот демарш, официозное агентство Анкары угрожало Греции даже применением репрессий. Турецкая пресса со своей стороны развернула по этому поводу ожесточенную кампанию против Греции, обвиняя ее в том, что она ставит под угрозу «греко-турецкую дружбу» и мир во всем мире!

ПРИЗНАНИЕ ПРЕДНАМЕРЕННОСТИ

Во всяком случае, несомненно одно: *преднамеренность* демонстраций. Они были задуманы задолго до созыва трехсторонней конференции по Кипру. Это стало ясно в свете заявлений премьер-министра Турции Мендереса, сделанных им 25 августа 1955 года на пресс-конференции в Константинополе, когда он с серьезным видом говорил об «угрозе резни», которая (согласно слухам, распространявшимся его же собственным правительством) нависла над турками, живущими на Кипре.

Премьер-министр Турции в своей речи в Национальном собрании в январе 1956 года также вполне «официально» подтвердил преднамеренность антигреческих выступлений, когда пытался объяснить и оправдать эти демонстрации. Забыв о первоначальной версии своего правительства, согласно которой выступления в Константинополе и Смирне представляли собой не что иное, как «прорывы коммунистов», Мендерес со всей торжественностью, подобающей главе правительства, выступающему перед парламентом своей страны, вновь стал выдвигать легенду о «резне» турок, которая якобы должна была произойти на острове 28 августа.

По словам Мендереса, слухи о том, что 28 августа на Кипре произойдет «резня» турок, до такой степени взбудоражили общественность, что было «естественно» столкнуться с проявлением «некоторой реакции» и выражением «некоторого протеста». Он признал, что в этом направлении были предприняты определенные «усилия» и что определенные организации, в частности студенческие, наци-

ональный комитет защиты Кипра и другие *предприняли определенные действия*.

Таким образом, по признанию главы турецкого правительства, антигреческие выступления в Константинополе и Смирне были *подготовлены для выражения протеста* в связи со «слухами» (пущенными турецким же правительством с целью спровоцировать эти выступления); мало того, к антигреческим демонстрациям прибегли даже тогда, когда впоследствии было доказано, что это только «слухи»!

V.

Обстоятельства, при которых англичане приняли решение о созыве в Лондоне трехсторонней конференции, а впоследствии и на самом деле провели ее, а также роль, которую они отвели Турции, заставляют всякого объективного наблюдателя усомниться в том, что Англия искренне стремилась к разрешению кипрского вопроса. Можно усомниться и в том, что ее усилия были, как это утверждали англичане, направлены на поиски такого решения. Возникает вопрос, а не были ли они направлены в действительности на то, чтобы сделать решение вопроса невозможным?

И в самом деле, единственное «решение», к которому стремились англичане, было *решение с позиции силы*. Действуя в этом духе, английское правительство тотчас же после лондонской конференции назначило новым губернатором Кипра начальника имперского генерального штаба маршала сэра Джона Гардинга. Англия посыпала в свою колонию не дипломата для переговоров, а «умиротворителя», то есть военнослужащего, способного силой оружия «восстановить порядок».

Сам маршал Гардинг, прежде чем покинуть Лондон, заявил, что он собирается «умиротворить» Кипр, используя опыт, накопленный им в Кении в борьбе против «Мау-Мау». В кругах министерства колоний считали, что для достижения этой цели ему достаточно шести месяцев. В распоряжение Гардинга были предоставлены мощные вооруженные силы, и это свидетельствовало о решимости «ликвидировать» кипрское дело, не теряя на это больше времени.

Конечно, «официально» маршал Гардинг направлялся на остров Кипр для возобновления переговоров с архиепископом Макариосом — главой национально-освободительного движения кипriotов. Базой же этих переговоров

должен был служить проект конституции, предложенный Греции на трехсторонней конференции в Лондоне и уже отклоненный правительством Афин.

Переговоры между Гардингом и Макариосом сопровождались с английской стороны самой настоящей демонстрацией силы. Для Англии это была последняя попытка навязать киприотам свое «решение» вопроса о Кипре, прежде чем (в случае нового отказа) открыто приступить к «умиротворению» острова силой оружия.

АНГЛИЧАНЕ В СОБСТВЕННЫХ СЕТЯХ

Все было тщательно рассчитано и согласовано. Но свои расчеты англичане строили без Макариоса. Архиепископ проявил с самого начала такой дух умеренности и примирения, что переговоры, несмотря ни на что, вступили в новую фазу, что никак не входило в намерения Лондона.

До сих пор самым большим препятствием для соглашения была сама цель национального движения киприотов: *право на самоопределение*. Англичане на это отвечали: «Никогда». Чтобы выйти из тупика, Макариос предложил компромиссное решение: Англия признает право киприотов на самоопределение в принципе, а тем временем стороны будут искать пути к окончательному разрешению кипрского вопроса, что должно произойти в сроки, которые будут намечены. На этих условиях архиепископ соглашался вести с англичанами переговоры о временном урегулировании кипрского вопроса на основе *административной автономии*.

С греческой точки зрения это рассматривалось как большая уступка, настолько большая, что Макариос подвергся сильной критике как на Кипре, так и в Афинах. И тем не менее его компромиссное предложение ставило англичан в тяжелое положение. Англичане попали в собственные сети. В самом деле, у них не было никакой возможности отклонить предложение архиепископа, не разоблачив себя, поскольку они сами всегда предлагали «конstitutionное решение» кипрского вопроса и в то же время, чтобы сделать свое предложение приемлемым для киприотов, заявляли, что решение это носит временный характер, являясь лишь этапом на пути окончательного разрешения вопроса, то есть объединения Кипра с Грецией.

Вот почему Гардинг был вынужден признать в прин-

ципе право киприотов на самоопределение, ставя в то же время осуществление этого права в зависимость от условий стратегического и политического порядка, или на полное усмотрение Англии.

Отныне переговоры между губернатором и архиепископом вращались вокруг этих двух вопросов: определение срока, по истечении которого будет реализовано право на самоопределение, и характер «конституционного решения», намеченного английским правительством. И наконец, в результате новой существенной уступки со стороны Макариоса переговоры велись по второму вопросу, поскольку позиция англичан свидетельствовала, что всякая дискуссия по первому пункту бесполезна.

«КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ»

MADE IN ENGLAND¹

Вскоре стало ясно, что «конституционное решение» (такое, каким его принимали англичане) ничем не отличалось от формулы, предложенной английским правительством киприотам семьдесят лет назад!

Такое предложение впервые было сделано в 1892 году. Ордонансом от 30 ноября учреждался Законодательный совет, который должен был представлять население острова.

Однако порядок формирования этого совета был столь оригинальным, что представители подавляющего большинства населения — греки — составляли в нем меньшинство. Формально большинство совета составляли выборные депутаты — двенадцать человек, из которых одну четвертую часть составляли турки (соотношение между греками и турками составляло 3:1). Но, кроме этих депутатов, шесть мест заполнялось по назначению губернатора.

Эти последние вместе с тремя турками лишали греков большинства голосов, ибо в соответствии с положениями ордонанса губернатора в случае разделения голосов (9 против 9) голос председателя Законодательного совета был решающим. А им, само собой разумеется, был англичанин.

В 1925 году, когда Кипр стал колонией короны, англичане великодушно согласились внести «улучшения» в

¹ Сделано в Англии (англ.).

«конституционный» статут острова, увеличив число выборных депутатов с 12 до 15. Но в то же время число депутатов, назначаемых губернатором, было увеличено также на три места. Таким образом, при наличии трех депутатов турок голоса опять-таки делились поровну (12 против 12), и решающий голос председателя англичанина, как и прежде, превращал греческое большинство в меньшинство.

В 1948 году английский губернатор, казалось, был намерен сделать большой шаг вперед, чтобы удовлетворить требования киприотов, которые ставили уже вопрос о применении к ним принципов Устава Организации Объединенных Наций.

На этот раз Лондон торжественно предложил им «проект конституции», который, однако, так мало отличался от действовавшего на острове колониального статута (в частности, в том, что касалось основного вопроса — формирования парламента пропорционально греческому большинству), что проект этот был отвергнут киприотами.

Но это не помешало англичанам вернуться к тому же самому проекту в июле 1954 года. Английское правительство вновь предложило его киприотам в качестве «конституционного решения» вопроса. И на сей раз ответ, конечно, был отрицательный, ибо «административная автономия», которую предлагали киприотам, продолжала оставаться фикцией, а парламентский механизм, действовавший с 1892 года и низводивший греческое большинство до положения меньшинства, не претерпел никаких изменений.

«Конституционное решение», вновь предложенное Англией, почти ничем не отличается от решений, отвергнутых киприотами в прошлом.

ТУРЕЦКОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

Продолжая действовать в том же духе, англичане все больше и больше поддерживали турок. Воспользовавшись услугами турок, чтобы прекратить обсуждение вопроса о присоединении Кипра к Греции, англичане используют их сейчас для предотвращения возможности подлинно конституционного решения кипрского вопроса, несмотря на то, что раньше они делали вид, что согласны с подобным его решением.

1 января 1956 года в своем новогоднем послании гу-

бернатор Гардинг заявил, что любое решение вопроса о Кипре должно быть одобрено Турцией. Это означало, что не может быть никакого решения, приемлемого для греков, поскольку турки были против какого бы то ни было изменения *status quo* острова. Но губернатор пошел еще дальше. Великобритания, сказал он, не может отказаться от ответственности, которая возложена на нее на Кипре, ибо это имело бы гибельные последствия для местного населения и для греко-турецких отношений¹. И в самом деле, англичане хотели убедить, что, если они покинут Кипр, произойдет резня турецкого населения острова. Как будто в самой Греции нет турецкого меньшинства, живущего в мире и спокойствии!

На Кипре этот маневр выражался в усилившимся попытках создать *атмосферу гражданской войны*.

На следующий же день после событий в Константино-поле и Смирне из Лондона сообщали о создании на Кипре подпольной турецкой организации «Волкан», целью которой, как отмечалось в ее первой прокламации от 9 сентября 1955 года, была борьба против «террора» ЕОКА — подпольной греческой организации Сопротивления. Это было тем более странно (и, конечно, разоблачало истинные намерения вдохновителей этой организации), что «террористические» действия ЕОКА были направлены только против англичан, а турки-киприоты никогда не имели оснований для жалоб².

11 января 1956 года англичане сумели добиться столь желаемого ими настоящего греко-турецкого инцидента: в Пафосе был убит турецкий полицейский. Но, во-первых, греческим полицейским и «коллаборационистам» также приходилось расплачиваться своей жизнью за оказание услуг английской администрации. С другой стороны, турецкий полицейский, о котором идет речь, отличался осо-

¹ Ну как не восхищаться трогательной заботой англичан о греко-турецких отношениях, после того, как они нанесли им смертельный удар антигреческими выступлениями в Константино-поле и Смирне!

² С первых же дней своего существования (апрель 1955 года) ЕОКА (начальные буквы греческого наименования тайной организации освобождения — Национальной организации борцов-киприотов) обратилась со специальными возваниями к туркам острова, чтобы заверить их в том, что она не замышляет против них никаких враждебных действий, и дать им понять, что ее единственным и исключительным врагом является английская колониальная администрация, против которой она боролась, преследуя лишь одну цель — «избавить остров от мерзкого колониального режима и эксплуатации».

бенным усердием в преследовании греческих патриотов: в знак признания своих заслуг в такого рода деятельности он только что получил медаль колониальной полиции. Наконец не было никаких доказательств того, что убийцы действительно были членами ЕОКА и что тут дело не обошлось без провокаций¹. И тем не менее этот инцидент всячески использовали, представив его как акт агрессии, направленный против турецкой общины. Это послужило сигналом для бурных антигреческих демонстраций в главных городах острова. При снисходительном отношении полиции и английских войск² толпа с возгласами: «Месть!», «Мы требуем крови!», «Кипр турецкий!» — нападала и грабила лавки и жилища, принадлежащие грекам.

¹ В воззвании, выпущенном несколько дней спустя, ЕОКА охарактеризовала убийство полицейского-турка как провокационный акт английских властей, стремившихся натравить турок на греков, и напоминала турецкому населению, что патриоты Кипра, борющиеся за свободу своей страны, не питают к ним никаких враждебных чувств.

² По сообщению корреспондента лейбористской «Дейли геральд», полиция и английские войска даже не пытались вмешаться. Отметим также, что с тех пор английские «силы порядка» неизменно занимали позицию «невмешательства» при антигреческих выступлениях и демонстрациях, которые происходили все чаще и чаще.

В корреспонденции из Никозии, помещенной в газете «Таймс» (22 марта 1956 года) по поводу одной из подобных демонстраций, говорилось о такой пикантной детали: «Является фактом, что турецкие демонстранты с восторгом приветствовали английские войска и полицию!».

VI

Судьба переговоров между англичанами и киприотами была решена в январе 1956 года во время поездки сэра Джона Гардинга в Лондон. Как стало ясно впоследствии, основные черты английского плана, принятого во время этой поездки, заключались в следующем: киприотам сделают «новые предложения» для «конституционного решения» кипрского вопроса, но на самом деле эти «новые предложения»: не будут содержать ничего нового. Если предложения будут приняты, Англия выиграет партию, если они будут отклонены, объявят, что переговоры окончательно провалились, и приступят к осуществлению еще более жестких репрессий, с тем чтобы «умиротворить» остров, то есть подавить силой освободительное движение народа Кипра.

Таким образом, «новые предложения» англичан представляли собой не что иное, как фарс и алиби. Они должны были служить «доказательством» «доброй воли» Англии, ее готовности вести переговоры и тем самым снять с нее всякую ответственность за новый кризис, к которому намеренно вели кипрский вопрос.

ФАРС С «НОВЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ»

Эти предложения были сделаны в письме губернатора Гардинга к Макариосу от 28 января в форме «декларации», на которую архиепископ должен был также ответить декларацией, текст которой был приложен. Народ Кипра приглашался «принять участие в конституционном развитии» острова.

О чём же шла речь в действительности? На этот счет не было никаких уточнений. Декларация английского правительства затрагивала вопросы самоопределения и административной автономии весьма *уклончиво и двусмы*-

сленно. Вопроса о самоопределении декларация касалась лишь косвенно, не принимая каких-либо обязательств. Она ограничивалась приведением «тезиса» английского правительства, согласно которому к Кипру не исключено применение «принципа самоопределения», поскольку английское правительство поставило свою подпись под Уставом Организации Объединенных Наций, Потомакской и Тихоокеанской хартиями.

Нетрудно заметить одну особенность: английское правительство не брало на себя никаких позитивных обязательств, даже гипотетических или условных. Оно попросту излагало «тезис», который в свою очередь был лишен какого бы то ни было позитивного характера. Оно не выскazyвалось за право на самоопределение даже в принципе и даже в отдаленном будущем; оно давало только понять, что не может выступать против права на самоопределение, поскольку Англия поставила свою подпись под международными документами, в которых признается это право.

И, наоборот, декларация английского правительства содержала очень четкие положения относительно применения принципа самоопределения. Это право, говорилось в декларации, не может осуществиться в настоящее время «ввиду сложившегося положения в районе Ближнего и Среднего Востока». Это означало, что Англия не только отвергала всякую возможность применения принципа самоопределения в ближайшем будущем, но в то же время отказывалась брать на себя какие бы то ни было обязательства по этому вопросу на будущее.

Что касается вопроса об административной автономии, английское правительство было более великодушно: оно предлагало кипriotам «большую степень» (wide measure) самоуправления. Но в какой форме и на каких условиях?

«Если народ Кипра, — говорилось в декларации, — пожелает участвовать в конституционном развитии, правительство ее величества *намерено искать* решение для удовлетворения чаяний народа Кипра».

Нетрудно заметить, какую заботу проявили составители этого документа — подлинного шедевра двусмысленности, — чтобы ни в какой мере не связать обещанием английское правительство. Это правительство даже *не обещало* найти решение кипрского вопроса. Оно выражало только свое *«намерение»* *«искать»* такое решение.

Наконец кипriotам не предлагали обсудить или даже

просто принять определенный проект конституции. Они должны были согласиться принять участие в «развитии» режима, столь же неопределенного, сколь и сомнительного, о котором они не имели ни малейшего представления, поскольку в декларации английского правительства никаких разъяснений на этот счет не содержалось.

«ПРЕДЛОЖЕНИЯ» — УЛЬТИМАТУМ

Но это не все. Словно опасаясь зайти слишком далеко, англичане обставляли свои «уступки» всякого рода оговорками и условиями, делавшими их еще более иллюзорными.

«Окончательное решение», которое английское правительство «намеревалось искать», должно было вдобавок ко всему быть «совместимым со стратегическими интересами» Англии и ее союзников и соответствовать действующим договорам правительства ее величества.

Кроме того, английское правительство будет «готово рассмотреть» с представителями населения Кипра вопрос о будущем острова только тогда, когда система *самоуправления* (self-government) докажет свою «способность обеспечить интересы всех частей населения». Иначе говоря, англичане ставили все в зависимость не только от стратегических интересов Англии и ее союзников (читай: Турции), но также и от поведения турецкого меньшинства Кипра.

В этом заключался весь смысл маневра с «турецким препятствием». Выдвигать в качестве условия для разрешения вопроса о Кипре одобрение Турции и турецкого меньшинства острова, которое было послушным орудием в руках правительства Анкары и Лондона, означало заранее исключить всякую возможность разрешения этого вопроса. По всей вероятности, турецкое правительство никакое решение вопроса не сочло бы «совместимым» со стратегическими интересами Турции, точно так же как турецкое меньшинство Кипра никогда не выразило бы удовлетворения прогрессом, достигнутым в результате реализации дарованной острову системы самоуправления.

Но тут был еще и другой момент: английские предложения не предполагали никакого обсуждения. В письме Макариосу, к которому была приложена декларация английского правительства, Гардинг давал понять, что их следовало либо принять, либо отказаться от них. Англий-

ское правительство, подчеркивал губернатор, предоставляя Макариосу возможность «выразить согласие», но оно считает «тем не менее необходимым», чтобы «основой» соглашения служил текст проекта декларации архиепископа, приложенный к письму губернатора. Таким образом, речь в действительности шла о «предложениях», носивших скорее характер «ультиматума»¹ и которые нельзя было обсуждать.

И об этом Гардинг без обиняков сообщал Макариосу. Даже если этот последний и считал, что «кое-что» в письме губернатора и в декларации английского правительства требует «разъяснений», автор письма (Гардинг) не был «в состоянии внести изменения» в декларацию. Мало того, губернатор шел еще дальше. В том же письме Макариосу он неоднократно повторял, что архиепископ волен, если он того пожелает, зарезервировать свое мнение относительно английских предложений. Но в этом случае он должен был «учитывать те *серьезные последствия*, которые могли произойти в результате возможного провала» переговоров. Англичане не только отказывались от обсуждения своих предложений, но и прибегали к прямым угрозам.

ДРАМА МАКАРИОСА

Макариоса приглашали «рассмотреть со всей серьезностью» именно эти предложения в качестве «основы для сотрудничества с целью создания конституционного правительства на Кипре». Макариос (об этом он сказал позже) полностью отдавал себе отчет в создавшемся положении; он понимал, что англичане не имели никакого намерения вести переговоры и еще менее стремились прийти к какому-нибудь соглашению. Архиепископ понимал, что англичане выдвигали свои «предложения» именно в такой форме, чтобы сделать невозможными переговоры и исключить всякую возможность соглашения.

Первые вопросы, поднятые им во время переговоров с губернатором после его возвращения из Лондона, касались сущности конституции, которую английский губернатор планировал для Кипра. Архиепископ уступил в вопросе о самоопределении, чтобы сделать возможным продолжение переговоров на базе административной автономии;

¹ «Скрытый ультиматум» — так охарактеризовала этот документ газета «Нью-Йорк таймс» от 5 февраля 1956 года.

таким путем он хотел убедиться, не является ли обманом и это.

В своем письме от 28 января Гардинг ловко уклонился от точного ответа на этот вопрос: «Должен повторить, что на нынешней стадии я не могу ничего добавить к декларации правительства Ее Величества». И он вновь повторил оговорку, которой было вполне достаточно, чтобы блокировать любые переговоры и сделать невозможным всякое соглашение: «детали» конституции «подлежали обсуждению с представителями населения всех частей империи в сроки, установленные по согласию».

Макариос очутился перед страшной дилеммой: принять английские предложения — значило предать дело своего народа; отвергнуть их — значило играть на руку англичанам. И тогда архиепископ заявил, что он склонен обсудить их. По его мнению, это давало ему возможность узнать намерения англичан, то есть вынуждало их раскрыть свои карты.

БЕЗНАДЕЖНАЯ ПОПЫТКА

В своем ответе от 2 февраля 1956 года на письмо губернатора Гардинга от 28 января Макариос уточнил занятую им позицию, вскрыв неопределенный и уклончивый характер предложений англичан. Если, говорил архиепископ, руководствуясь своим «горячим стремлением добиться установления мира на острове», он, Макариос, заявил о готовности обсудить декларацию английского правительства (хотя она снимала основной вопрос о самоопределении), то это он делал только потому, что речь шла о «простой декларации», касающейся политики Англии на Кипре. В противном же случае, если бы речь шла о двустороннем договоре, он никогда бы не поставил свою подпись под этим документом.

Макариос дал англичанам ответ, единственно возможный в данных условиях. Поскольку англичане не предлагали кипriotам ничего конкретного, кроме *декларации о благих намерениях*, архиепископ сообщал им, что не могло быть и речи о принятии такой декларации: ее следовало обсудить, с тем чтобы уточнить намерения англичан и узнать, в чем «суть» самоуправления и каковы точные пределы «широкой автономии», предложенной Англией.

В письме губернатору Макариос напоминал ему, что тот не был даже в состоянии определить «основные принципы» конституции, которую английское правительство собиралось предоставить Кипру. По словам Макариоса, чтобы участие киприотов в выработке конституции, которую им предлагали, было эффективным, необходимо, чтобы «английская сторона с самого начала подтвердила, что эта конституция гарантирует установление статута *подлинного самоуправления*». Архиепископ считал, что англичане должны изложить в общих чертах положения этого статута.

По существу речь шла о безнадежной попытке избежать срыва переговоров и сохранить шансы на решение вопроса в будущем. Это была безнадежная попытка, ибо она была обречена на провал.

Англичане были столь же мало расположены дискутировать по поводу своих «предложений», как и облечь их в более определенную и недвусмысленную форму. И это объяснялось именно тем, что английские предложения были сделаны не для того, чтобы стать предметом подлинных переговоров с целью найти решение вопроса, а для того, чтобы заставить киприотов либо принять их без изменений, либо заявить об их неприемлемости.

VII

Гардинг ответил Макариосу 14 февраля. Второе письмо губернатора — наиболее разоблачительный и тяжкий для англичан документ во всем «досье по делу Кипра». Оно не оставляло больше никаких сомнений относительно намерений англичан: Англия признавала только такое решение кипрского вопроса, которое она стремилась *навязать* кипriotам, и систематически вела все дело к срыву переговоров.

Это было тем более чудовищно, что в своем письме губернатор стремился доказать, что предлагаемая Англией конституция является «демократической» и «либеральной» и что кипriotы поступили бы неправильно, отвергнув ее.

Эта конституция, по словам губернатора, позволила бы народу Кипра «принять на себя через посредство кипрских министров ответственность и путем постепенного развития взять под свой контроль все министерства, за исключением министерства иностранных дел и обороны», а также министерства общественной безопасности, которые останутся под контролем губернатора *«так долго, как он сочтет необходимым»*.

Реальные достоинства конституции, которую англичане собирались даровать кипriotам, можно оценить по тому, как разрешался в ней вопрос о парламентском представительстве. Как ни странно (и этого достаточно, чтобы составить себе представление о характере конституции), вопрос этот оставался открытым. Газета «Таймс» без стеснения утверждала, что предстояло решить, будет ли в парламенте Кипра греческое большинство или не будет¹!

На самом же деле этот вопрос даже не ставился. Для англичан он был уже решен: в парламенте греческого

¹ «Таймс», 3 февраля 1956 года.

большинства не будет. С такой же циничной откровенностью это было подчеркнуто газетой «Таймс», которая позаботилась и о соответствующем обосновании. Если будет греческое большинство, писала газета, оно, вероятно, сразу же или очень скоро решит, что автономное правительство достигло достаточного прогресса в обеспечении прав различных общин, и потребует поставить на обсуждение окончательное решение¹. Главный орган лондонского Сити поспешил успокоить своих читателей. Английское правительство, писала газета в передовой, не предоставит решение этого вопроса такому собранию.

Это было открытое признание того, что автономия, предоставленная Кипру, будет иметь, по выражению все той же «Таймс», определенные «пределы», и все это для того, чтобы исключить всякую возможность разрешения вопроса о самоопределении конституционным путем.

НАДУВАТЕЛЬСТВО С «КОНСТИТУЦИОННЫМ РЕШЕНИЕМ»

Но рассмотрим подробнее эту пресловутую «конституцию», о которой так шумели англичане. Весьма «демократически» конституция эта предусматривала учреждение парламента, большинство депутатов которого будет избираться. Однако это вовсе не означало, что это большинство будет *фактическим* большинством парламента, ибо предусматривалось, что в составе парламента будет также определенное число депутатов, *назначаемых* губернатором. И, согласно тщательно проведенным расчетам, число назначаемых депутатов вместе с турецкими депутатами могло бы составить *фактическое* большинство парламента.

Англичане, как видно, оставались верны своему старому проекту конституции, которой они трижды на протяжении полувека безуспешно пытались «осчастливить» народ Кипра. Как и раньше, в этом проекте путем сочетания избираемых и назначаемых депутатов нарушались основные принципы парламентаризма; греческое большинство

¹ Корреспондент газеты «Обсервер» (19 февраля 1956 года) в Никозии следующим образом объяснял причины обесценноности англичан перспективой преобладания греков в парламенте: если, говорил он, состоятся выборы, губернатор может оказаться лицом к лицу с архиепископом Макариосом, выступающим в новой роли председателя Совета министров и вновь поднимающим вопрос о самоопределении.

Кипра лишилось возможности иметь в парламенте пропорциональное представительство соответственно своему значению и, мало того, должно было подчиняться законам, устанавливаемым турецким меньшинством и английским правительством. Вот почему проект этот всегда отвергался киприотами.

Это могло показаться невероятным. Но англичане, стремясь сделать свои предложения неприемлемыми для киприотов, переходили всякие границы. Проект конституции предусматривал также возможность назначения председателем Совета министров *представителя негреческого населения!* Речь шла о главе правительства—«киприоте», а это означало, что им мог быть и киприот-турок.

Во всяком случае, парламентское большинство не пользовалось бы свободой назначения председателя Совета министров по своему выбору. Он назначался бы только с одобрения губернатора, хотя и не было уточнено, был ли отказ губернатора одобрить кандидатуру равносителен *вето*.

Таковы были «широкие перспективы» (выражение маршала Гардинга), которые имело в виду английское правительство. И все это опять-таки ставилось в зависимость от согласия турок. Правительство ее величества, подчеркивал в заключение губернатор, «не могло бы взять на себя обязательства» в том, что касается «положения заинтересованных общин», без обсуждения с представителями этих общин, то есть представителями турецкого меньшинства.

Остается лишь добавить, что сроки реализации английских предложений ставились в зависимость также и от того, «в какой мере широкие слои населения и их руководители» — в том числе и руководители организаций *«Кибрис тюрк»!* будут готовы принять на себя возлагаемую на них ответственность.

ПЕРЕГОВОРЫ НЕВОЗМОЖНЫ

Легко понять положение Макариоса, столкнувшегося с этим чудовищным нагромождением коварства и лицемерия — вторым письмом губернатора Гардинга. В своем новом ответе Гардингу, датированном 25 февраля, Макариосу не оставалось ничего другого, как констатировать, что английское правительство продолжает уклоняться, избегая уточнений, которых просил архиепископ в своем

письме от 2 февраля. Что касается «существа общих принципов конституции», то, как отмечал Макариос, «много важных вопросов» оставалось «неясным». Не было, в частности, уточнено, что представительство в палате будет «пропорционально составу населения», то есть что избранное большинство составит также и фактическое большинство. Не было дано также никаких гарантий того, что утверждение губернатором избрания премьер-министра будет только чисто формальным вопросом.

В заключение Макариос подчеркивал, что, руководствуясь желанием, чтобы остров «в обстановке спокойствия прошел период, предшествующий применению принципа самоопределения», он, архиепископ, сделал все возможные уступки и что совесть его и национальное достоинство не позволяют ему идти на большие уступки.

Это был ответ национального руководителя, сознавшего свою ответственность и хорошо понимающего игру англичан. Это был ответ руководителя, который не мог идти на большие уступки, не предавая дело своего народа¹.

¹ Несколько поведение архиепископа было обоснованно, а подозрительность его оправданна, видно из того, как англичане систематически обходили вопрос о парламентском большинстве. 17 февраля 1956 года, выступая в Чикаго перед американскими журналистами, министр иностранных дел Селвин Ллойд заявил, что киприоты-греки еще не «созрели» для *самоуправления*. Тем самым министр подтвердил, что самоуправление, столь торжественно предлагавшееся Англией, было обманом.

13 марта в палате общин министр колоний Ленnox-Байд оставил без ответа два вопроса лейбориста Гриффитса, бывшего министра колоний, требовавшего, чтобы правительство прямо заявило, признает ли оно право Кипра на самоопределение или по крайней мере на *самоуправление*.

Англичане — и это было очевидно — были преисполнены решимости воспрепятствовать киприотам-грекам иметь *фактическое большинство* в парламенте, предусмотренном конституцией, которую им предлагали. Эта конституция была столь «демократичной» и столь «либеральной», что, заботясь об уважении прав турецкого меньшинства, она полностью упускала из виду права греческого большинства.

VIII

Заключительная стадия английского маневра началась с молниеносного визита на Кипр министра колоний (26 февраля 1956 года). Согласно заявлению, сделанному по этому поводу Ленноксом-Бойдом в палате общин 5 марта, он предпринял эту поездку с благим намерением удостовериться на месте, что с английской стороны сделано все возможное для достижения «почетного соглашения». В действительности же это был жест, рассчитанный на внешний эффект. Он был сделан с целью представить Англию в выгодном свете как сторону, движимую «искренним желанием» достичь результата, в то время как другие лихорадочно вели дело к разрыву переговоров.

После того как не удалось навязать Макариосу лондонский вариант «конституционного решения» вопроса, переговоры лишились для англичан всякого смысла, если не говорить о том, что фактом их разрыва стремились обосновать необходимость применения силы.

«ОБЯЗАТЕЛЬСТВА» Г-НА ЛЕННОКСА-БОЙДА

Новый английский представитель не внес в переговоры ничего такого, что могло бы сдвинуть их с мертвой точки, на которой они застряли вследствие упрямого (и весьма разоблачительного) отказа Гардинга определить характер и пределы административной автономии, которую Англия предлагала кипriotам.

В заявлении¹, сделанном Макариосу 29 февраля от имени своего правительства, Леннокс-Бойд перечислял «обязательства», которые он собирался взять на себя. Со своей стороны он требовал от архиепископа заверений в

¹ Этот документ, так же как и письма, которыми обменялись Гардинг и Макариос, был опубликован английским правительством в виде Белой книги как... доказательство его «доброй воли».

его намерении сотрудничать в проведении в жизнь конституции, которую архиепископ порекомендует своим соотечественникам принять.

Что касается вопросов, поднятых архиепископом в письме губернатору от 25 февраля относительно намерений английского правительства в отношении конституции, то министр колоний счел, что «лучшим способом» было «повторить лично» своему собеседнику с Кипра «тезис» правительства ее величества по этому вопросу в том виде, в каком он был изложен губернатором Гардингом в письме от 14 февраля. Иначе говоря, Макариоса еще раз отослали к английской декларации от 28 января и к «разъяснениям», данным по этому поводу губернатором и которые он, Макариос, уже отверг ввиду их неопределенности и неудовлетворительности.

Заявление английского министра колоний не вносило также никаких уточнений по важнейшему вопросу о составе парламента Кипра и его прерогативах. «Конституция, — говорил Ленnox-Байд, — предусматривала бы существование избранного большинства в палате и охраняла бы интересы всех частей населения». И это было все.

Таким образом, обязательства, которые министр колоний выражал согласие взять на себя, сводились к следующему: он предлагал кипriotам ту же самую конституцию, которую их религиозный и политический руководитель уже отклонил ввиду ее неопределенности и двусмысленности. В этих условиях переговоры между Ленnoxом-Байдом и Макариосом имели не больше шансов на успех, чем переговоры между Макариосом и губернатором Гардингом.

ПОСЛЕДНЯЯ НАХОДКА МИНИСТЕРСТВА КОЛОНИЙ

С поездкой на Кипр министра колоний было связано одно-единственное «новшество»: министр объявил о намерении английского правительства послать на остров «конституционного комиссара», который после консультаций с представителями «всех оттенков общественного мнения острова» — все то же самое *турецкое меньшинство!* — приступит к выработке «либеральной и демократической» конституции. Это была последняя находка «хитрецов» из министерства колоний. При помощи этой

находки они думали обойти (не затрагивая) вопрос о парламентском большинстве, который делал неприемлемой для киприотов конституцию, предложенную Англией. Новому персонажу (своего рода Deus ex machina) представлялось разрешить этот вопрос под свою ответственность, без обсуждения и бесповоротно. Только в этом вопросе англичане были очень точны. Как подчеркивал Ленnox-Байд в своем заявлении Макариосу, в функции «конституционного комиссара» входило бы определение «точного состава», избираемого большинства.

По замыслу тех, кто придумал эту «находку», авторитет «специалиста» по конституционным вопросам (и в этом заключалось все «коварство») должен был снять с комиссара всякие подозрения в приверженности английским интересам и гарантировать киприотам «либеральную и демократическую» конституцию, которая якобы будет выработана под его покровительством. Именно это хотел сказать Ленnox-Байд, когда подчеркивал в своем заявлении Макариосу, что «конституционный комиссар» будет принимать свои решения «в соответствии с обычными либеральными конституционными концепциями».

РАЗРЫВ ПЕРЕГОВОРОВ

Были ли англичане столь наивны, чтобы на самом деле поверить в то, что киприоты после фарса с «новыми предложениями» английского правительства примут всерьез эту смехотворную историю с «конституционным комиссаром»? Возможно. Во всяком случае, они продолжали вести двойную игру: если операция удастся, они навяжут киприотам «конституцию», которая оставит колониальный статут острова без изменений; если киприоты отвергнут подарок Англии, последняя будет вправе отказаться от «мирных методов», с тем чтобы с помощью силы достичь тех же результатов — сохранить свое господство над Кипром.

Поскольку архиепископ Макариос и на этот раз не проявил желания позволить одурачить себя министру колоний ее величества, английское правительство официально заявило 5 марта, что переговоры между англичанами и киприотами прерваны.

В заявлении, сделанном в тот же день в палате общин относительно переговоров с Макариосом, английский ми-

министр колоний старался изложить дело так, чтобы представить архиепископа виновником провала этих переговоров. Он утверждал, будто Макариос в своем письме губернатору Гардингу от 2 февраля принял английские предложения, и по этой причине он, Леннокс-Бойд, решил сам поехать на Кипр. Однако впоследствии в письме губернатору от 26 февраля архиепископ якобы вернулся к этим решенным вопросам и стал выдвигать возражения, которые касались лишь «формы» конституции, предложенной английским правительством.

Трудно найти пример более бесцеремонного обращения с фактами. Леннокс-Бойд должен был лично признать в том же самом заявлении, что не было достигнуто никакого соглашения, поскольку, по его словам, все время оставались неразрешенными три «главных вопроса»: об амнистии, контроле над обеспечением общественной безопасности и *избираемом большинстве* парламента.

С другой стороны, агентство Рейтер, сообщая 5 марта об официальном срыве переговоров с кипriotами, подчеркивало, что не удалось договориться по «основным вопросам», в том числе по вопросу о парламентском большинстве, который определял весь ход переговоров¹. Сам же министр колоний объяснял, почему не удалось добиться никакого соглашения по этому вопросу. В своем заявлении от 5 марта, неоднократно возвращаясь к вопросу о турецком меньшинстве и говоря о контактах, которые он имел с руководителями этого меньшинства во время своей поездки на Кипр, Леннокс-Бойд признал, что англичане обещали туркам, что те будут представлены в будущем парламенте Кипра на равных основаниях с греками.

КОНСТАТАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЛИЦЕМЕРИЯ

Архиепископ Макариос публично разоблачил английское лицемерие на пресс-конференции, которую он устроил 5 марта, в тот же самый день, когда Леннокс-Бойд излагал палате общин свою версию причин провала переговоров между англичанами и кипriotами. По словам

¹ Чтобы спутать карты, англичане пытались, зпрочем безуспешно, доказать, будто провал переговоров был связан с вопросом об амнистии осужденных английскими властями «террористов», поскольку на этом настаивал Макариос.

Макариоса, переговоры показали, что английская сторона не проявляет «никакого желания найти основу для разумного соглашения».

Что же касается киприотов, то они пошли на все возможные уступки, чтобы содействовать достижению такого соглашения. Они, как отмечал Макариос, не требовали ничего, кроме «простого заверения в том, что предложенное англичанами автономное правительство будет носить демократический характер». Это было тем более оправдано, что подлинный характер этого правительства был «в должной мере вскрыт тем фактом, что англичане не только отказывались дать заверения в том, что представители большинства населения будут составлять большинство и в палате, но и настаивали на сохранении за губернатором на время, которое он сочтет необходимым, всех полномочий в области общественной безопасности».

«В ходе обсуждения, — продолжал архиепископ, — мы ясно поняли, что с английской точки зрения обеспечение общественной безопасности включало не только руководство полицией, но также и осуществление всех прерогатив законодательной и исполнительной власти».

Таким образом, «киприотам предложили одобрить режим, который ставил под сомнение их право контролировать парламент, а суверенная колониальная власть могла беспрестанно вмешиваться во все вопросы под предлогом охраны общественной безопасности».

Однако, отмечал архиепископ, подобный режим, «неприемлемый даже для малоцивилизованного народа», являлся бы «издевательством даже для переходного периода». Архиепископ разоблачил фарс с «конституционным комиссаром» в ясных и четких выражениях, раскрывающих существо вопроса.

«Англичане, — говорил он, — маскировали свою настойчивость и свои намерения с помощью неопределенных выражений, оправдывая это тем, что они не могли связывать заранее руки конституционному законодателю, который будет послан на Кипр и который при составлении конституции острова должен, по их мнению, пользоваться абсолютной свободой, тогда как роль населения сводилась к чисто консультативным функциям». К тому же ни для кого не было тайной, что комиссаром будет англичанин и что, следовательно, он будет действовать как «орудие английской политики».

В заключение, объясняя свою позицию, Макариос сказал, что в этих условиях он был вынужден заявить англичанам, что желание восстановить мир в стране ни в коем случае не могло заставить его предать основные права народа Кипра и отказаться от требований об учреждении демократического правительства на переходный период в ожидании применения принципа самоопределения, который продолжает оставаться целью борьбы кипriotов.

IX

Смысл решения английского правительства о разрыве переговоров с киприотами был раскрыт Ленноксом-Бойдом в его заявлении от 5 марта в палате общин. «В настоящее время, — говорил министр колоний, — наша задача, и притом основная, будет заключаться в восстановлении порядка и законности на Кипре. Мы имеем для этого все необходимое, и мы сумеем сделать это»¹.

В тот же день маршал Гардинг заявил по радио Никозии: «Террористы должны быть уничтожены» и сообщал о своем намерении продолжать кампанию «в целях восстановления порядка» всеми средствами, имеющимися в его распоряжении.

Нельзя сказать, что Англия только сейчас сделала выбор в пользу решения при помощи силы, ибо ее истинная цель всегда заключалась в этом. («Английское правительство, — писала 16 мая либеральная газета «Манчестер гардиан», — руководствуется одной идеей: принуждать, всегда принуждать».) Это правительство стремилось разрешить вопрос силой, но так, чтобы никто не мог возложить на него ответственность.

¹ Говоря откровенно, английская политика на Кипре представляет собой не что иное, как демонстрацию в духе колониализма XVIII века с целью создать впечатление, будто процесс распада империи приостановлен.

На «примере» Кипра Англия собирается продемонстрировать свою решимость не уступать больше в тех случаях, когда речь идет о «защите ее законных и жизненных интересов», как об этом сказал премьер-министр Иден, выступая 1 июня 1956 года на съезде консервативной партии в Нортуиче.

Эта демонстрация была, впрочем, столь же бесполезна, сколь и несвоевременна. Она совпала по времени с другой, по-своему «символичной» демонстрацией, организованной Насером, чтобы отпраздновать уход из Египта последнего английского солдата, в присутствии генерала сэра Бриана Робертсона — главнокомандующего английскими войсками базы в Суэце.

Наконец оно добилось своего: английское правительство разыграло комедию с переговорами, чтобы иметь возможность утверждать, что оно «исчерпало все возможности» в своих усилиях добиться «мирного решения» вопроса о Кипре, и переложить всю ответственность за провал переговоров на киприотов.

ВЫСЫЛКА МАКАРИОСА

Высылка Макариоса была составной частью этой политики¹. Таким путем прежде всего устранился единственный противник, с которым англичане считали возможным вести переговоры, и практически сжигались все мосты². Во-вторых, этим «подтверждалась», если можно так выражаться, ответственность киприотов за провал и разрыв переговоров. Отсюда вся клевета и ложь, которую обрушили на архиепископа, чтобы представить его как «экстремиста», вдохновителя и подстрекателя «террористов» из ЕОКА³.

Но в чем можно было упрекнуть Макариоса, которого отправляли в ссылку? Ему не было предложено ничего конкретного и определенного. То, что в Лондоне помпезно называли «новыми предложениями», на самом деле представляло собой простую декларацию о намерениях — туманную, нечестную, двусмысленную и, следовательно, требующую разъяснений и уточнений. Поэтому на деле переговоры были направлены на выяснение намерений ан-

¹ В связи с этим процитируем отрывок из речи, произнесенной лейбористским депутатом Гринвудом 9 июня 1956 года в Уоркингтоне:

«Когда Венгрия или Польша заключают в тюрьму архиепископов, мы справедливо протестуем, — говорил он. — Но когда Великобритания арестовывает и высылает кипрского архиепископа, она заявляет, что этим самым защищает стратегические интересы демократии».

² Так же обстояло дело и с казнью двух патриотов-киприотов Караболиса и Димитриу. Ленnox-Бойд 14 мая 1956 года хвастался в палате общин, что сам он лично посоветовал королеве не считаться с петициями, поступавшими со всех сторон в защиту двух осужденных на смерть киприотов.

³ Макариос понял, что его ожидает, когда англичане, сразу же после разрыва переговоров, начали обвинять его в том, что он примкнул к ЕОКА. «Теперь мне следует ожидать, когда будут принятые новые меры против меня лично», — сказал он в интервью представителю «Таймс оф Сайпрес» 7 марта 1956 года.

глийского правительства по данному вопросу. И если они провалились, то вовсе не ввиду отказа Макариоса принять английские «предложения», а в силу того, что англичане упорно отказывались дать необходимые разъяснения и уточнить соответствующие положения, чтобы сделать возможным открытие искренних переговоров по действительному проекту решения кипрского вопроса, имеющему точно определенное содержание и четко очерченные контуры.

Макариос был бы совершенно прав, если бы с самого начала отказался от всякого обсуждения на предложенной англичанами основе. Но, как вынуждена была признать сама английская пресса, архиепископ проявил искренность и добрую волю¹, все же согласившись на переговоры именно для того, чтобы заставить англичан уточнить свои намерения и сделать возможными подлинные переговоры в надежде добиться чего-либо для мирного урегулирования (хотя бы и временного) кипрского вопроса.

Вопрос об ответственности решен бесповоротно неподобаимым фактом, который англичане никогда не смогут опровергнуть, а именно: провал переговоров объясняется не «непримиримостью» Макариоса, требовавшего признания за кипriotами права на самоопределение, а отказом Англии предоставить Кипру административную автономию².

Все это настолько очевидно, что после высылки архиепископа англичане расценивали всякую идею возобновления переговоров как нечто совершенно немыслимое.

7 апреля губернатор Гардинг заявил, что он никогда не поддержит идею возобновления переговоров с Макариосом. Понять губернатора нетрудно. Ведь он и его шефы в Лондоне приложили столько усилий, чтобы добиться разрыва переговоров! Когда 14 мая в ходе дебатов по Кипру в палате общин лейбористский депутат Гриффитс по-

¹ «Манчестер гардиан», 15 марта 1956 года.

² Ленnox-Байд полностью искажал истину, когда утверждал в своем заявлении 14 мая в палате общин, что разногласия между англичанами и Макариосом касались применения права на самоопределение, которое в принципе было признано английским правительством.

просил правительство дать согласие на приезд в Лондон архиепископа для ведения новых переговоров, это предложение на правительственные скамьях было встречено *смехом и шиканьем*. С точки зрения этих бравых *тори* только наивный человек мог думать, что правительство ее величества будет расположено начать все сначала, после того как оно уже достигло своей цели — разрыва переговоров.

Если, закрыв двери для переговоров, английское правительство, как справедливо отмечал орган лейбористской партии¹, оказалось в «порочном кругу» политики репрессий (сперва восстановить «порядок», с тем чтобы потом возобновить переговоры), то сделало оно это сознательно, с умыслом.

В самом деле, таким способом исключались всякие переговоры и расчищался путь для применения политики силы. А после того как «порядок» будет восстановлен, не будет никакого смысла продолжать обсуждение. Когда на Кипре было спокойно, англичане использовали это в качестве аргумента, якобы подтверждающего необходимость сохранения *status quo* острова без изменений. Кипriotы, говорили они, довольны своей судьбой и английской администрацией.

«Порядок» был нарушен только после того, как Англия одержала победу в «битве за Кипр» в Организации Объединенных Наций в декабре 1954 года, когда кипriotам стало ясно, что у них нет никакой надежды на мирное разрешение их национального вопроса. ЕОКА, как мы видели, выступила на арену именно в апреле 1955 года.

ПРИЗНАНИЕ

Но и это еще не все. Дело в том, что английское правительство никогда всерьез не рассматривало возможность ухода с острова. Его позиция в отношении Кипра неизменно определялась соображениями имперской политики.

Всего лишь через несколько дней после разрыва переговоров губернатор Гардинг заявил корреспонденту

¹ «Нью стейтсмен энд Нейшн», 2 мая 1956 года.

«Дейли экспресс» (23 марта 1956 года), что английская политика по отношению к Кипру в будущем будет учитывать следующие — в порядке их важности — факторы:

- а) политические и стратегические интересы Великобритании¹;
- б) желание сохранить хорошие отношения, существующие между англичанами и турками²;
- в) чаяния кипriotов.

Это говорило не только о том, что чаяния кипriotов должны были учитываться в самую последнюю очередь, но и о том, что фактически Англия не имела ни малейшего намерения считаться с ними и еще менее была расположена удовлетворить их. Это было наиболее циничное признание во всей этой комедии с переговорами. С грубой откровенностью, присущей колониальному военнослужащему, маршал Гардинг срывал маску, под которой английское правительство пыталось, хотя и безуспешно, скрыть истинный характер своей политики на Кипре.

Эти заявления губернатора объясняли будущее в такой же мере, как и прошлое. Два первых фактора, которым Гардинг отдавал предпочтение в порядке важности, выдвигались в качестве непременного условия во время переговоров с Макариосом и были подлинной причиной провала переговоров. Вот почему не могло идти и речи об изменении позиции Англии, в обоснование которой ссылались на самый факт провала переговоров или на «непримиримость» Макариоса.

¹ Стратегический аргумент служил лишь предлогом для сохранения английского господства на острове. Бивен, выступая 27 мая 1956 года в Ньюкасле, говорил, что Англия могла бы получить от кипriotов все, если бы признала за ними право на самоопределение.

Но, как справедливо заметил другой лейбористский лидер — Гэйтскелл — в своем выступлении в Манчестере 10 июня 1956 года, в ходе переговоров с Макариосом вопрос о военных базах англичанами никогда не подымался.

² Вопрос о турецком меньшинстве Кипра был другим предлогом, которым пользовались англичане, чтобы воспрепятствовать всякому решению кипрского вопроса. Доказательством этого служит тот факт, что вопрос этот никогда не был предметом переговоров с Макариосом на основе уважения и гарантии прав турецкого населения острова, то есть так, как проблема национальных меньшинств регулируется в тех странах, где она существует.

«НОВЫЙ ПРИНЦИП»

Признание Гардинга так верно выражало английскую политику, что было повторено в еще более циничной форме самим министром колоний. Выступая в палате общин 14 мая, Леннокс-Бойд заявил, что Кипр ввиду своего географического положения имеет «исключительно большое значение для Соединенного королевства, и поэтому правительство ее величества не сможет допустить рассмотрения вопроса об изменении суверенитета».

Газета «Дейли телеграф» (2 мая 1956 года), касаясь этого вопроса, писала о «новом принципе» политики Англии, согласно которому ее политические и стратегические интересы превалируют над всеми иными соображениями, принципами и правами, даже теми, которые Англия торжественно признала и обязалась уважать при подписании Устава Организации Объединенных Наций. И этот правительственный орган излагал странную доктрину, что-то вроде «дозированной свободы»: он проводил четкое различие между тем, что он называл «небольшой свободой», представляющей районам, имеющим для Англии жизненно важное стратегическое, экономическое и политическое значение, и так называемой «большой свободой», за которую борется Англия, но на которую нельзя ссыльаться в случаях ограничения свободы¹.

Со своей стороны премьер-министр Иден, выступая 1 июня перед съездом консервативной партии в Нортуи-

¹ Этим объясняется безразличное и бесстрастное отношение Англии к негодованию мировой общественности, восставшей против английской политики на Кипре.

По этой же причине английская администрация острова не гнушается применять откровенно гитлеровские методы (из коих далеко не самыми отвратительными являются порка детей, массовые аресты и интернирование «подозрительных», разрушение домов, в которых, по предположениям, укрывались «террористы», и коллективные санкции), чтобы «восстановить порядок», то есть сломить сопротивление народа Кипра.

Трибуналы Кипра выносят смертный приговор за простое посягательство на жизнь английских солдат. Один из судей ее величества следующим образом обосновывал такой приговор, вынесенный 12 июня 1956 года в связи с делом патриота, заподозренного в том, что он стрелял в английских летчиков: «Верно, что ни один из летчиков не был ранен. Но этим мы обязаны не твоим добрым намерениям, а тому факту, что пули не достигли цели. Вот почему я приговариваю тебя к смертной казни через повешение».

че, также ссыпался на этот принцип, особо подчеркивая наличие у Англии *нефтяных* интересов на Ближнем и Среднем Востоке¹.

Впрочем, этот «новый принцип» ничего не менял в английской имперской политике. Английское правительство просто вернулось к категорическому «нет» министерства колоний.

Такая позиция была характерна для правительства еще до начала переговоров, но впоследствии оно сделало вид, будто отошло от нее для изыскания возможностей мирного разрешения этого вопроса. Напомним только, что «новой принцип», провозглашенный министром по делам колоний и премьер-министром Великобритании, выдвигался в качестве главного аргумента английского правительства во время обсуждения вопроса о Кипре в ООН в сентябре и декабре 1954 года Макмилланом (бывшим в то время министром иностранных дел), во время англо-греко-турецкой конференции по Кипру в августе—сентябре 1955 года, а также в английских предложениях, представленных Макариосу губернатором Гардингом 28 января 1956 года.

¹ Отметим, что в это же самое время английское правительство собиралось дать санкцию на продажу одной американской нефтяной компании акций английской «Тринидад ойл», разрабатывавшей нефтеносные земли на Антильских островах, представлявшие собой наиболее важные разработки нефти, которыми располагала Англия в пределах своих колониальных территорий.

Но самое забавное заключается в том, как английское правительство объясняло свое решение: оказывается, эта сделка была выгодна населению Антильских островов, и не соглашаться с нею — значило проявить «колониалистский» дух.

Важно отметить, что сами англичане не принимали всерьез все эти аргументы. Наиболее влиятельный еженедельник консерваторов «Спектейтор» 7 июня 1956 года открыто писал: «Наша база на Кипре — не что иное, как блеф».

Как справедливо отмечал председатель лейбористской партии Гэйтскелл, выступая 10 июня 1956 года в Манчестере, непонятно, против чего и против кого будет Англия защищать нефть Ближнего и Среднего Востока, ибо, как он говорил, если страны, в которых добывается нефть (в данном случае — Ирак), откажутся заключить договор с Англией, то возникает вопрос: как же она пошлет туда войска?

Справедливость этого замечания видна из того факта, что, когда англичане были выставлены из Абадана, обладание огромной базой в Суэце ни в чем им не помогло.

ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Наконец «желание сохранить хорошие отношения, существующие между англичанами и турками», которое, по признанию Гардинга, английское правительство ставило наряду со своими стратегическими интересами, предпочтая их чаяниям населения Кипра, также подтверждало решимость Англии никогда не считаться с этими чаяниями — благо были турки, которые могли служить непреодолимым препятствием для любого изменения *status quo* Кипра!

Дружеские отношения между Англией и Турцией не имеют ничего общего с систематическими попытками англичан восстановить турок против греков. «Кипр — это пистолет, приставленный к груди Турции», — писала «Дейли мейл» 11 мая 1956 года и делала из этого вывод, что Турция не позволит, чтобы остров перешел к Греции.

26 марта 1956 года газета «Таймс» представляла дело так, будто разногласия по вопросу о Кипре являются одним из эпизодов в вековой борьбе между греками и турками. В письме, адресованном в «Санди таймс» (25 марта 1956 года), бывший губернатор Кипра Ричмонд Палмер со всей серьезностью утверждал, что идея объединения Кипра с Грецией предполагает уничтожение Турции и, следовательно, может привести к войне между Турцией и Грецией.

Угроза возникновения такой войны стала *лейтмотивом* всей этой кампании по натравливанию.

На заседании палаты общин 14 мая 1956 года национал-либерал Маклей заявил, что Турция начнет войну против Греции, если Кипру будет предоставлено право на самоопределение; его речь была встречена «взрывом аплодисментов» правительенного большинства. По замечанию одного еженедельника, отражающего взгляды консерваторов¹, аплодисменты означали, что турки в этом случае поступят правильно, если станут воевать против греков.

Антигреческие выступления 6 сентября 1955 года в Константинополе и Смирне показали масштабы и опасность английского маневра, рассчитанного на то, чтобы ис-

¹ «Спектейтор», 18 мая 1956 года. «В вопросе о Кипре консерваторы превратились в турок», — писал по этому поводу журнал.

пользовать Турцией и кипрских турок¹ против Греции с целью блокировать решение кипрского вопроса. Впоследствии маневр этот стал проводиться в жизнь уже на самом Кипре², где провокационные акты турок, поддерживаемых и вдохновляемых английскими властями³, приняли характер настоящей агрессии против греков. Эта агрессия имела ярко выраженную тенденцию превратить конфликт в *гражданскую войну*, что было бы пределом желаний англичан⁴.

«Таймс» выдала виновников этих кровавых событий, выразив надежду, что эти инциденты *покажут экстремистам из Афин и Анкары* (фактически это касалось, конечно, только греков), *к чему может привести их непримиримость*.

¹ «Таймс» 29 мая 1956 года отмечала, что до самого последнего времени греческая и турецкая общины Кипра жили в согласии бок о бок и что это согласие только недавно было нарушено.

² Со стороны греческого большинства никогда не отмечалось ни актов провокаций, ни антитурецких выступлений или демонстраций. И тот факт, что турки «осмеливались» провоцировать беспорядки и нападать на греков, хотя они повсюду составляли меньшинство и поэтому, казалось бы, должны были опасаться последствий подобных действий, достаточно ясно свидетельствует о том, что они состоят в сговоре с английскими властями.

³ Верх лицемерия: 29 мая губернатор Гардинг обратился к греческому и турецкому населению Кипра с призывом восстановить между собой мирные отношения!

⁴ Важно отметить в связи с этим, что ни один депутат и ни одна газета лейбористов в своей критике и в своих выступлениях против политики консервативного правительства на Кипре ни разу не разоблачили этого дьявольского маневра. Напротив, они со всей серьезностью говорят о «соперничестве» между кипрскими греками и турками как о чем-то достойном сожаления, но к которому английские власти Кипра совершенно не причастны.

В этом отношении очень характерно выступление Эньюрина Бивена. В своей речи в Ньюкасле 27 мая 1956 года лидер левого крыла лейбористской партии категорически заявлял, что не может быть и речи об уходе Англии с Кипра. Было бы «чудовищно», говорил он, оставить киприотов в состоянии анархии, ибо это «неизбежно» привело бы к конфликту между греками и турками!

Процитируем также речь депутата-лейбориста Реджинальда Пагета на заседании палаты общин 14 мая 1956 года. Он предложил налагать арест на имущество киприотов, выселять их в Грецию и заменять новыми турецкими колонистами всякий раз, когда какое-либо греческое село будет отказываться помогать английским войскам в раскрытии «преступлений», совершенных «террористами» ЕОКА. Иными словами, он предложил множество новых Орадуров!

X

Если бы английское правительство было хоть немножко искренним, если бы у него было хоть малейшее желание добиться мирного и подлинного конституционного решения вопроса о Кипре, оно с самого начала¹ не порвало бы переговоры и не делало бы впоследствии все возможное, чтобы воспрепятствовать их возобновлению. Наоборот, оно попыталось бы поставить переговоры на *новые основы*, дающие шансы на достижение решения, приемлемого для киприотов, то есть решения, которое не было бы *надувательством*.

Только при этом условии английская политика на Кипре перестанет быть «нелепой и жестокой путаницей»². Даже «Дейли телеграф»—орган консервативной партии—пришла к выводу о необходимости изменения политики.

«Наступило время,—писала эта газета 7 июня 1956 года, — когда Англия должна повторить (но *на этот раз ясно и определенно*), что она понимает под *самоуправлением* для Кипра, и доказать на фактах, что либеральная конституция подготавливается».

Заметим, между прочим, что это высказывание свидетельствует о том, что все заявления, которые делались англичанами по этому поводу до сих пор, были туманными, неопределенными и лишенными какого бы то ни было позитивного значения.

Лейбористская партия набросала в общих чертах такую программу. По мнению лейбористов, конституция, предлагаемая киприотам, должна обеспечить им действительную административную автономию и признать право на самоопределение в установленный срок, охраняя в тоже время права и безопасность турецкого меньшинства.

¹ 14 марта в палате общин вице-председатель лейбористской партии Гриффитс прямо обвинял английское правительство в том, что оно сорвало переговоры без достаточных на то оснований.

² «Спектейтор», 1 июня 1956 года.

Такое изменение политики стало необходимым ввиду того, что все предположения и все расчеты английского правительства фактически оказались несостоятельными.

Так, маршал с «железным кулаком» утверждал, будто деятельность ЕОКА опиралась на «небольшую группу» людей, едва ли больше дюжины, и что число вооруженных «террористов» не превышало сотни¹. Это было удобно для подтверждения доводов Англии, будто «террористы» не представляют основной массы населения Кипра. Однако эти утверждения лишь выставляли Англию в смешном виде, ибо эта горстка людей оказывала стойкое сопротивление 17 тысячам английских солдат, которые не смогли «восстановить порядок».

НАДЕЖДЫ АНГЛИЧАН

Англичане фактически признавали, что их политика силы и репрессий на Кипре потерпела поражение и что шансы на улучшение положения в будущем невелики. Однако позиция, занятая ими при переговорах с греческим правительством, а потом и с архиепископом Макариосом, исключала возможность реального изменения их политики и внесения ими искренних предложений для сколько-нибудь справедливого урегулирования вопроса о Кипре. Вместо того чтобы «пересмотреть» свою политику, они все время продолжают настаивать на «конституционном решении», которое было уже предметом провалившихся переговоров с Макариосом.

Англия, таким образом, надеется выйти из кипрского тупика, не затронув *status quo* острова, то есть не удовлетворив в какой бы то ни было степени чаяний киприотов. Возобновление же переговоров означало бы для нее лишь *новую попытку* (на этот раз более ловкую и коварную²)

¹ Сообщение агентства Рейтер от 26 мая 1956 года.

² Коварство заключалось в том, что был изменен порядок расположения «уступок», сделанных англичанами: на первый план выдвигалось признание права киприотов на самоопределение и даже устанавливался срок, когда оно будет применено, хотя все это, само собой разумеется, было обставлено оговорками и условиями.

Это, по замыслу англичан, заставило бы киприотов принять «конституционное решение», отклоненное Макариосом, что в свою очередь сделало бы еще более проблематичным возможность осуществления киприотами права на самоопределение.

принудить киприотов согласиться на «конституционное решение», уже отвергнутое ими¹.

В этом отношении не может быть никаких сомнений и иллюзий. Эти «новые предложения», о которых шла речь еще во время поездки губернатора Гардинга в Лондон (в июне 1955 года) и которые должны были служить базой для последующих переговоров, на самом деле представляли собой точное воспроизведение предложений, отклоненных Макариосом.

Сама правительственная пресса поспешила подчеркнуть, что ничего не изменилось. «Больших изменений английской политики не предполагается, — писал дипломатический корреспондент официозной «Дейли телеграф» 7 июня 1956 года. «Никаких изменений основ английской политики», — говорилось в «Санди таймс» 17 июня. А автор передовой газеты «Таймс» (22 июня) без стеснения «клал ноги на стол», утверждая, что речь шла не столько о «новой политике», сколько о «новом способе применения старой политики». Это было настолько верно, что по этому поводу в Лондоне сообщали, что судья Верховного суда лорд Редклифф вскоре отбудет на остров Кипр в качестве «конституционного комиссара». Английское правительство все еще продолжало держаться за этот нереальный проект, предложенный Ленnoxом-Байдом Макариосу во время его поездки на Кипр в феврале 1956 года, и который заключался в том, чтобы навязать народу Кипра «заранее сфабрикованную конституцию».

Это упрямство и оптимизм англичан основаны на убеждении, что «теперь» (как на это делал упор дипломатический корреспондент «Таймс» 19 июня 1956 года) есть шансы на то, что киприоты примут те пункты, по которым провалились переговоры с Макариосом.

Англичане, которые рассчитывают в этом деле на

¹ Кроме того, возобновление переговоров позволило бы Англии избежать нового обсуждения вопроса о Кипре в ООН. Отсюда усиления, прилагавшиеся английским правительством, чтобы придать этим переговорам трехсторонний характер — по образцу англо-греко-турецкой конференции в августе—сентябре 1955 года, путем привлечения к этим переговорам правительства Турции.

Как и тогда, действия были согласованы между Лондоном и Анкарой; было повторено все до деталей. В частности, возобновились угрозы турецкого правительства воспрепятствовать силой оружия присоединению Кипра к Греции и «усилия» Англии, вновь выступающей в качестве «арбитра».

«добрьи услуги» Вашингтона, надеются на раскол внутреннего фронта киприотов и греков и на изоляцию патриотов, борющихся с оружием в руках; это, в частности, было одной из их главных целей, когда они требовали, чтобы архиепископ осудил «террористов» из ЕОКА.

В конце концов единственная надежда Англии заключается в том, чтобы пойти на Кипре или в Афинах новых людей, с которыми «стоило бы» вести переговоры, людей, склонных дать себя вовлечь в эту затею с «конституционным решением». В том виде, как его понимают в Лондоне, это «конституционное решение» сводится в действительности к «возобновлению» существующего колониального статута Кипра и к увековечению английского господства.

* * *

Губернатор Гардинг в своем письме от 17 февраля 1956 года, адресованном архиепископу Макариосу, писал:

«Правительство ее величества придерживается того мнения, что его позиция в этом [кипрском] вопросе безотлагательно должна быть доведена до сведения общественного мнения, с тем чтобы оно как здесь [на Кипре], так и за рубежом могло бы судить об усилиях, приложенных правительством ее величества для достижения соглашения».

Именно с целью дать представление о мнении общественности и написана эта брошюра.

Э. Дзелепи
ПРАВДА О КИПРЕ

Технический редактор *Н. И. Смирнова*
Корректор *Е. Б. Марксон*

Сдано в производство 13/IX—1957 г.
Подписано к печати 12/II—1958 г.
Бумага 84×108 $1/32$ =1 бум. л. 3,3 печ. л.
Уч.-изд. л. 2,9. Изд. № 7/4001,
Цена 1 р. 10 к. Зак. 104.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Москва, ул. Станкевича, 7. Тип. «Гудок».

1 руб. 10 коп.